

ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
БАЛТОВ

АКАДЕМИЯ НАУК ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И
ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
БАЛТОВ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВИЛЬНИУС „МОКСЛАС“ 1985

Редакционная коллегия:

Р. Волкайте-Куликаускаене (отв. ред.), В. Мажюлис, Р. Меркене,
Ю. Юргинис, Г. Чеснис

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике публикуются статьи, подготовленные на основе материалов второй межреспубликанской научной конференции „Проблемы этногенеза и этнической истории балтов“, состоявшейся в марте 1981 г. в Вильнюсе (первая конференция состоялась в 1977 г. в Риге). В работе конференции принимали участие не только археологи и лингвисты, но и историки, антропологи, этнографы, фольклористы, ибо сложность изучаемой проблемы требует комплексного подхода к ее решению.

Проблема этногенеза балтов является органической частью разрабатываемой в Институте истории АН Литовской ССР темы „Этногенез литовцев“. Для успешного решения последней необходимо всесторонне изучить три основных этапа: 1) формирование балтов, 2) дальнейшая их дифференциация — племенные объединения балтов и 3) формирование балтских народностей. На конференции эти вопросы затрагивались специалистами в том или ином аспекте, поэтому изложенные материалы в значительной степени будут использованы и в дальнейшей работе по изучению этногенеза литовцев.

Несмотря на большой объем проделанной работы и наличие многочисленной литературы по вопросам формирования балтов, проблема эта еще далеко не решена. Ей в сборнике посвящено несколько статей. Р. Римантене подчеркивает роль местной субстратной неманской культуры в образовании балтских племен и народностей. Древнему местному субстрату — нарвской культуре, сыгравшей также значительную роль в образовании балтов, посвящена статья И. Лозе.

Статья В. В. Седова посвящена изучению одной диалекто-племенной группы балтов — днепровским балтам, составлявшим близкородственные культуры раннего железного века — днепро-двинскую, юхновскую и верхнеокскую. Автор проследил их судьбу вплоть до третьей четверти I тысячелетия н. э., когда днепровские балты населяли все Верхнее Поднепровье и Полоцко-Витебскую часть Западно-двинского бассейна. В VI—VII вв. в область днепровских балтов начинается проникновение славян.

Цельный ряд статей настоящего сборника посвящен образованию отдельных балтских племен и народностей. На основе типов погребальных памятников, элементов материальной и духовной культуры Р. Волкайте-Куликаускаене в своей статье дает определение первоначального

центра расселения пражемайтов (I–IV вв.) — района грунтовых могильников в низовьях рек Нярис и Дубиса. Дальнейшая судьба культуры пражемайтов — постепенное распространение этой культуры в V–VIII вв. в район между реками Швянтойи и Юра. По мнению автора, восточная часть этой культуры влилась в культуру восточнолитовских курганов (с трупосожжением), а в западном районе грунтовых могильников (с труположением) между реками Дубиса и Юра окончательно сформировался центр племенного объединения жемайтов. Э. Шноре на материале курганных могильников восточной Латвии выдвигает гипотезу о том, что в III–IV вв. н. э. на территорию Латвии проникли родственные балтские племена из более южных районов. Этим пришлым населением были как селы, так и латгалы. Свою гипотезу Э. Шноре подкрепляет фактом существования ряда одинаковых топонимов в восточной Латвии и восточной Литве. Племена селов посвящена и статья И. Цимермане. Выводы автора построены на анализе керамического материала из Дигнайского городища и некоторых других памятников. Проблемам формирования латышской народности в средневековье (по данным археологии) посвящена статья Э. Мугуревича. Изучение эволюции погребальных памятников и обычаев, в частности изменения в ориентации погребений на территории Латвии в период с X по XVII в., позволяют Э. Мугуревичу утверждать, что XIV–XV вв. явились значительным этапом в образовании латышской народности, завершение формирования которой относится к XVI–XVII вв. О межплеменных балтских контактах говорит Л. Вайткунскене. На основе погребального обряда и инвентаря грунтового могильника в местности Жасинас автор анализирует контакты между племенами жемайтов и куршей в X–XII вв., указывает на заметный вклад куршей в материальную культуру жемайтов.

Несколько статей посвящено контактам балтов с соседями. Балто-финские контакты на основе элементов материальной культуры и погребального обряда во второй половине I тысячелетия н. э. изучает М. Аун. Автор приходит к заключению, что вклад прибалтийско-финских племен северной и восточной Латвии в балтскую культуру был значительнее, чем роль южноэстонских племен на территории современной Эстонии.

Гораздо шире в сборнике представлены балто-славянские контакты. Ф. Д. Гуревич рассматривает культурные связи населения древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой. Контакты с западными соседями, по мнению автора, ярче выражены в пограничной зоне. Я. Г. Зверугу в своей статье анализирует славяно-балтские связи в раннем средневековье (по материалам Белоруссии). Автор приходит к выводу, что балтское население оказывало большое влияние на своих соседей в деле изготовления бронзовых украшений, а также находит много общего в древней технологии черной металлургии балтов и славян. В. И. Шадыро объектом изучения избрал материалы более 200 городищ Белорусского Подвинья, территория которого, находясь в ареале восточнобалтского населения, по мнению автора, являлась как

бы связующим звеном между древностями прибалтийских и днепровских балтов. З. М. Сергеева исследует балтские украшения из древнерусских погребений. Особенно многочисленны такие изделия X–XI вв. в пограничных районах. Благодаря культурно-экономическим связям рассматриваемые древности, по мнению автора, распространились вплоть до левых притоков Днепра.

Статья Я. Граудониса посвящена особенностям материальной культуры балтов, в частности в области строительства на территории культуры штрихованной керамики в I тысячелетии до н. э. и первых веках н. э.

Этногенезу и этнической истории балтов посвятили несколько статей антропологи. Так, Г. Чеснис на большом краниологическом материале выделяет основные антропологические типы балтов на территории Литвы, их взаимодействие в течение I тысячелетия н. э. и роль в образовании племенных союзов. Результаты одонтологических исследований, проведенных И. Бальчюнене, свидетельствуют об антропологической консолидации отдельных племенных союзов, слившихся в литовскую народность. Судьбам средневропейского одонтологического типа на территории Латвии посвящена работа Р. Гравере. Много балтских параллелей приводит Л. Хепост в своей работе, посвященной серологии эстонцев. В работе И.-В. Найниса исследуются длинные кости современных литовцев как дополнительные признаки антропологической характеристики.

Данные вопросы изучаются и лингвистами. В. Амбразас, рассмотрев проблему генезиса литовско-латышских форм косвенного склонения и постпозитивных локативов, пришел к выводу, что они образовались на базе влияния древних прибалтийско-финских диалектов. А. Ванас исследовал топонимические остатки исчезнувших балтийских языков на литовской диалектной территории. З. Зинкявичюс, изучив литовские диалектные изофоны и их хронографию, пришел к выводу, что современные литовские диалекты сформировались в эпоху до образования Литовского государства. В статье А. Брейдака освещаются определенные фонетические особенности в связи с проблемой селонского субстрата. Е. М. Катонина с учетом трансформации балтийских географических названий на славянской почве выдвигает гипотезу о происхождении названий с корнями *pal-* и *bal-*.

Ряд статей историков, археологов и этнографов касается этнической истории балтских народов. Э. Гудавичюс анализирует гипотезу Г. Ловмянского, определяющую „землю Литовскую” (в которой находилось княжество Миндовга), в междуречье Няриса и среднего течения Немана. По мнению автора, гипотеза Г. Ловмянского выдерживает испытание временем.

Э. Тыниссон по данным археологии изучает основные типы крестьянского жилища в Прибалтике и приходит к выводу, что в основе этнографических типов прибалтийского жилища лежат два существенных компонента: а) более древний — постройка с очагом (в ней сочетались черты, отражающие весьма древние культурные связи с соседним населением восточной и северной Европы); б) менее древний — отопли-

ваемая печью изба (этот компонент формировался в условиях взаимных культурных связей населения Прибалтики с западными и восточными славянами, а также с германским населением).

На анализе животноводческих построек Белоруссии и Литвы Р. Меркене в строительстве XVI–XVIII вв. выделяет остатки наиболее древних этнокультурных взаимовлияний, возможно, унаследованных от автохтонного балтского населения; повсеместно бытующие явления, корни которых уходят в прошлые столетия; явления, которые в XVI в. были в стадии зарождения.

Исходя из типологических параллелей Л. Думпе делает вывод, что под воздействием этнокультурного процесса по технике молочного животноводства Латвия представляет переходную зону между западом (Средняя Европа, Скандинавия) и востоком (лесная зона Восточной Европы). А. Вийрес, характеризуя распространение всех видов волокуш в Прибалтике, высказывает мысль, что каждый из них имел свой путь развития, связанный с хозяйственной деятельностью человека и отражающий этнокультурные связи на разных этапах исторического процесса.

В книге освещается отражение этнических контактов в музыкальной культуре и фольклоре. И. Тынурист пишет о том, что музыкальный инструментарий народов Восточной Прибалтики постоянно оказывался в сфере влияния стран западного и южного побережья Балтийского моря. В. Мисявичене в статье об общности литовских и белорусских живых песен устанавливает тот факт, что для песен обоих народов характерны аналогичные мотивы и темы, организационная целенаправленность, приурочивание к определенному периоду дня.

Выражаем надежду, что предлагаемые вниманию читателя статьи заинтересуют не только исследователей, непосредственно занятых данной проблематикой, но и широкие слои научной общественности, студентов, всех, кто желает знать древнейшую историю балтских народов.

Редколлегия

АРХЕОЛОГИЯ

РОЛЬ НЕМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАНИИ БАЛТОВ

Р. Римантене (Вильнюс)

Принято считать, что время образования балтов (по радиоуглеродному методу датировки) — это конец III—начало II тысячелетия до н. э., когда в Средней и Северной Европе существовали разные варианты культуры шнуровой керамики. Разница между этими вариантами во многом определялась разным субстратом, который нашли пришельцы в определенных областях своего распространения. В Прибалтике культура шнуровой керамики наложилась на две местные древние культуры, родственные по многим признакам, — это нарвская на севере и неманская на юге. Распространяясь с юго-западных областей, она столкнулась прежде всего с неманской культурой. Интересно выяснить, какие элементы культуры древних жителей остались при формировании местных вариантов культуры шнуровой керамики.

Неолитическая неманская культура была выделена в 50–60-е гг. [1, с. 141–203; 2; 3, с. 54–62; 4]. Основная область ее распространения — бассейн верхнего течения р. Неман (рис. 1). На западе она

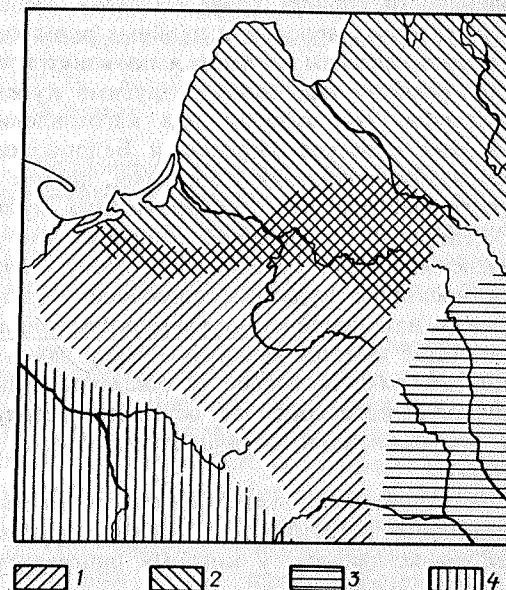

Рис. 1. Распространение неманской и соседних культур: 1 — неманская; 2 — нарвская; 3 — днепро-донецкая; 4 — польская, так наз. „гжебыкова”

охватывает южную часть Калининградской обл. и Северную Польшу до Вислы, на юге — довольно узкой полосой достигает Припяти, на востоке — не доходит до Минска, а на севере — проходит выше р. Вилия (Нярис) и верховой Березины, где она граничит с нарвской культурой. В пограничных зонах они довольно ощутимо влияли друг на друга. В северной Литве под влиянием неманской культуры образовался своеобразный южный вариант нарвской культуры [5, с. 12–14], а в Калининградской обл. чувствуется влияние нарвской культуры на неманскую [6]. На юго-западе территории Польши простиралась область так наз. „гжебыковой” культуры [7, с. 287–313; 8, с. 319–336], на востоке — днепро-донецкой [9]. У них много общих черт.

Кремневый инвентарь неолитической неманской культуры унаследован у мезолитической неманской культуры. В развитом неолите добавляются некоторые неолитические типы изделий и неолитическая техника обработки кремня.

В тесте горшочки много растительных примесей, позже — дровы. Горшочки остродонные, в развитом неолите появляются и плоскодонные, с пропорцией 1:1,5. На раннем этапе (рис. 2:1, 2) шейки прямые (1), изогнуты вовнутрь (С) или наружу (S). Для развитого неолита (рис. 2:3, 4) свойствен своеобразный профиль, который образовался вследствие наколов изнутри. В позднем неолите (рис. 2:5, 6) характерная форма — воронковидный или S-видный кубок.

Керамика слабо орнаментирована. В раннем неолите орнаменты бывают лишь под венчиком (рис. 2:7–16). Это разные наколы — треугольнички, округлые ямки, часто двузубый или четырехзубый штампик, зачастую на изгибе венчика имеется ряд довольно крупных глубоких ямок. В развитом неолите нередко украшается большая часть поверхности горшка (рис. 2:17–26). Особенно характерны сетчатый узор из косых полосок и двойные ряды насечек или наколов, причем на венчик нанесены глубокие ямки изнутри, иногда снаружи.

На раннем этапе связи с другими культурами не отмечены. Предполагается, что импульс для изготовления керамики дала днепро-донецкая культура Украины и Белоруссии. В среднем неолите начались взаимоотношения с соседями, прежде всего торговые, а затем — культурные (на юге — с носителями культуры шаровидных амфор, на севере — с культурой гребенчато-ямочной керамики), что мало прослеживается в орнаментике. Лишь в позднем неолите, при появлении носителей культуры шнуровой керамики, довольно однородное развитие неманской культуры резко изменилось.

В Литве имеется несколько типов памятников шнуровой керамики, одни из них связывают с общеевропейским горизонтом культуры шнуровой керамики. Их оставили, вероятно, кочующие скотоводы, но эти памятники скудно представлены лишь следами культурных остатков.

На территории, гуще заселенной жителями неманской культуры, пришельцы встретились с хорошо приспособленными к окружающей среде людьми, у которых присваивающее хозяйство было еще

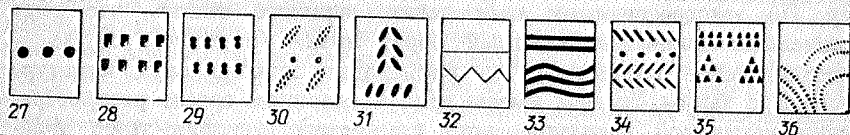
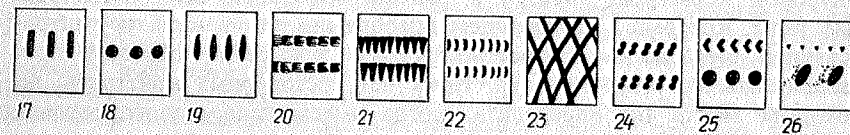
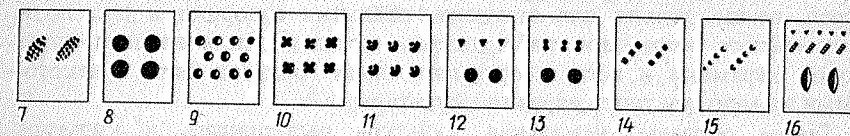
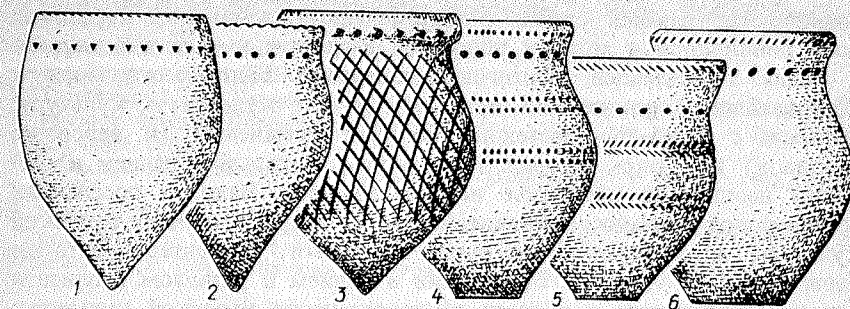

Рис. 2. Типы горшков неманской культуры и орнаментика на них: 1, 2, 7–16 — раннего неолита (по находкам из Дубичьяй); 3, 4, 17–26 — развитого неолита (по находкам из Маргяй); 5, 6, 27–36 — позднего неолита (по находкам из леса Барздис)

довольно рентабельным. Свойственные культуре шнуровой керамики изделия, особенно кремневые и каменные, внедрялись постепенно, не вытесняя ранние. Но новая керамика осваивалась разными путями. Не следует рассматривать известные нам поздненеолитические памятники в единой цепи развития — они существовали относительно одновременно.

Примером того, как при всем комплексе новых кремневых и каменных изделий сохранилась орнаментика лишь неманской культуры, может служить поселение леса Барздис, Варенский р-н (рис. 2:27–36). Другой тип слияния двух упомянутых культур представлен, напр., в поселении Линупис, Варенский р-н, в котором кремневый инвентарь чисто мезолитического облика (не считая нескольких треугольных наконечников стрел и топорика со следами шлифовки), а керамика плоскодонная, в тесте имеется примесь дровы, форма горшков — обыкновенный S-видный кубок. Мотивы украшений в

большинстве случаев схожи с орнаментикой неманской керамики, хотя появляются и мотивы шнуровой культуры и налепные валики.

Волна переселенцев, достигших побережья Балтийского моря и образовавших здесь так наз. приморскую, или жуцевскую, культуру, принесла с собой приобретенный по пути кремневый (и, вероятно, костяной) инвентарь неманской культуры, который в раннем и развитом неолите на побережье не был известен. Напр., в поселениях со шнуровой керамикой (Швянтойи IA, 41 и др.) в области нарвской культуры встречаются те же типы кремневого инвентаря, которые были в южной Литве и Белоруссии в раннем и развитом неолите и совсем не известны в области распространения нарвской культуры: ланцетовидные, трапециевидные и даже подвидерские наконечники стрел, резцы, лезвия для стамесок, овальные топорики и пр., но в орнаментике керамики наблюдаются мотивы исключительно шнуровой керамики и весь ассортимент типов горшков лишь с некоторыми элементами типов нарвской культуры.

Таким образом, неманская культура растворилась в культуре шнуровой керамики, образуя в раннем бронзовом веке очень разные типы, которые в дальнейшем преобразовались в культуру штрихованной керамики. Неизвестно, каким конкретно образом произошло слияние этих культур. Пока нет достоверных критериев, по которым могли бы определить, когда имеем дело с уничтожением древней культуры (и населения) и когда — со слиянием двух культур. По этнографическим наблюдениям принято считать, что если пришельцы принимают местный образ жизни (в данном случае — присваивающее хозяйство), то происходит слияние двух культур. Именно с таким случаем имеем дело в основном ареале распространения неманской культуры, хотя конкретные условия этого явления остаются для нас еще далеко не ясными.

Это слияние произошло еще на уровне общеевропейского горизонта. То, что приморская (жуцевская) культура со своими восточно-балтийскими вариантами выделилась из общеевропейского ствола и стала древнебалтской культурой, безусловно, определил местный субстрат — неманская культура. Но насколько сменился этнический состав представителей шнуровой культуры и как это нашло отражение в их речи, пока невозможно сказать. Можно лишь предполагать, что они в какой-то мере были родственны между собой, близкого антропологического типа, говорили на близких диалектах, иначе слияние не могло бы произойти так быстро.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурина Н. Н. Новые данные о каменном веке северо-западной Белоруссии. — МИА, 1965, № 131.
2. Гурина Н. Н. Из истории древних племен западных областей СССР. — МИА, 1967, № 144.
3. Римантене Р. К. Стоянки раннего неолита в юго-восточной Литве. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.

4. Чарнаускі М. М. Неоліт Беларускага Панямоння. — Мінск: Навука і тэхніка, 1979.
5. Гирииникас А. Связи неолитических нарвской и неманской культур в Восточной Литве. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
6. Тимофеев В. И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис... канд. ист. наук. — Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
7. Gardawski A. Zagadnienie kultury „ceramiki grzebykowej” w Polsce. — WA, 1958, Nr. 25.
8. Wislanski T. Krąg ludów subneolitycznych w Polsce. — In.: Prahistoria ziem Polskich. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Ossolineum, 1979, t. 2.
9. Телегин Д. Я. Дніпро-Донецка культура. — Київ: Наукова думка, 1968.

DIE ROLLE DER NEMUNAS-KULTUR BEI DER ENTSTEHUNG DER BALTEN

R. Rimantienė

Zusammenfassung

Die neolithische Nemunas-Kultur trug lokalen Charakter. Sie verbreitete sich seit dem 4. Jahrtausend v. u. Z. im Becken des Nemunas-Oberlaufs, im Süden bis zum Pripiat und im Westen bis zur Weichsel (Abb. 1). Im Norden reichte sie bis an das Gebiet der Narva-Kultur. Charakteristisch sind die Spitzbodengefäße (seit dem Mittelneolithikum erscheinen auch schon Plattbodengefäße), spärlich ornamentiert, mit pflanzlicher Beimischung in der Tonmasse (Abb. 2:1–6). Bis zum Spätneolithikum wurde die Entwicklung dieser Kultur fast gar nicht von anderen Kulturen beeinflusst. Mit dem Erscheinen der Träger der Schnurkeramik auf dem Niveau des gemeineuropäischen Horizontes im Baltikum verlief die Entwicklung der Nemunas-Kultur in sehr unterschiedlichen Richtungen. Obwohl im Flintinventar sämtlicher Denkmäler alle alten Formen der Artefakte, mit den neuerschienenen vermischt, erhalten sind, ist die Keramik jedoch sehr verschieden. In einigen Siedlungen, wie z. B. im Wald Barzdis (Abb. 2:5, 6, 27–36), hat sie den reinen späten Typ und die Ornamentik der späten Nemunas-Kultur bewahrt, in anderen hingegen, wie z. B. in Lynupis, erscheint neben den alten Ornamenten auch das reine Schnurornament. Es wäre anzunehmen, dass die neu angewanderten Schnurkeramiker im Gebiet der Nemunas-Kultur die hier seit alters ansässigen Europiden vorfanden (darauf deuten die wenn auch spärlichen anthropologischen Daten), die ihnen im Dialekt verwandt waren. Sie übernahmen von ihnen die Wirtschaftsform und verschmolzen mit ihnen. Die baltische Schnurkeramikultur (Haffküstenkultur) hob sich aus dem gemein-europäischen Horizont durch diejenigen Züge hervor, die sie aus dem lokalen Substrat der Nemunas-Kultur angeeignet hatte, und die sie weiter nach Norden in das südliche und südwestliche Gebiet der Narva-Kultur übertrug.

НАРВСКАЯ КУЛЬТУРА И ЕЕ РОЛЬ В ЭТНОГЕНЕЗЕ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ

И. Лозе (Рига)

Одной из наиболее изученных культур неолита на территории Восточной Прибалтики следует считать нарвскую, которой посвящен ряд монографий [1–3]. Начало ее изучения связано с именами археологов Н. Н. Гуриной и Л. Ю. Янитса [4, с. 153–175; 5, с. 122–127]. Сам факт наличия нарвской культуры был установлен Л. Ю. Янитсом при исследовании поселения Кязпа в юго-восточной Эстонии [6, S. 2–25]. Нарв-